

—А через два дня мы с Кореньковым отправились в Тбилиси: я - как зампреда комитета очередного (пятого) Всесоюзного семинара по моделированию ионосферы, а Юра - как его Учёный секретарь.

—Будучи по паспорту грузином и нося грузинскую фамилию, я впервые - на тридцать седьмом году жизни! - оказался в столице Грузии и всего лишь в третий раз в Грузии вообще. Предыдущее свидание с землёй предков было двадцать шесть лет назад, летом 1954 года, когда мы всем семейством ездили в Батуми, из которого я привёз себе стригущий лишай. Тогда я был учеником, окончившим четвёртый класс, а теперь стал учёным, толкающим свою докторскую диссертацию.

—Того, что я, грузин, за всю свою жизнь ни разу не был в Тбилиси, где живёт мой родной дядя, младший брат отца - Пантелей, и где долго жила моя бабушка, я очень стыдился и всем своим знакомым говорил, что был в Тбилиси, только очень давно, в детстве. Свои знания о Тбилиси, почерпнутые из книг и рассказов отца, выдавал за свои воспоминания.

—С того случая, как я оболгал своего врага Мишку - предводителя "барабанщиков", якобы обжегшего мне руку, ложь противна мне. Гиперболизация мне свойственна, это отмечал часто Юра Мальцев, который говорил, что мои пересказы понравившихся мне фильмов или литературных произведений интереснее их самих; значит, я искажал эти произведения, тем самым - лгал. Но лгать по существу - с детства мне было трудно до тошноты, хотя и приходилось. В зрелом возрасте ложь о том, что я бывал в Тбилиси, была до сих пор моей самой крупной ложью. Но стыд по поводу того, что я до тридцати семи лет не был в Тбилиси, был сильнее отвращения к лжи. И вот теперь мне больше лгать не надо.

Семинар намечалось провести с 25 по 27 июня, то есть планировалось отвести на заседания три дня, но местные организаторы сумели раздобыть гостиницу для участников лишь на два дня из-за того, что в связи с московской олимпиадой множество научных и прочих сборищ было перенесено из Москвы в Тбилиси. По этой причине программный комитет решил заранее собраться в Тбилиси, чтобы перекроить программу. Наше с Кореньковым появление в Тбилиси на два дня раньше начала семинара не должно было быть неожиданностью для местного оргкомитета, поэтому мы не беспокоились о ночлеге, хотя и прилетали уже к вечеру, около девятнадцати по местному времени. В оргкомитете были мои если не друзья, то во всяком случае хорошие знакомые - ионосферщики-грузины, горячо приглашавшие меня в Тбилиси и обещавшие радушный приём.

Зная о традиционном грузинском гостеприимстве, я тайком надеялся, что нас встретят в аэропорту. Увы, эти надежды не оправдались. Звонки домой к Хантадзе и Хочолаве - докторам наук, членам оргкомитета, также не увенчались успехом: первый читал лекции вечерникам в университете, второго просто не было дома (как потом оказалось, он уехал в аэропорт встречать, но увы - не нас, а иркутян во главе с профессором Валерием Михайловичем Поляковым). Ну что ж, мы с Юрой отправились в центр города, надеясь, что оттуда дозвонимся до Хантадзе, а между звонками погуляем по городу.

Сядясь в автобус, идущий из аэропорта в Тбилиси, мы обратили внимание на миску с серебром рядом с шофёром, куда кидают мелочь непонятно по какой таксе. Шофёр ни сдачи, ни билетов не даёт. Мы попросили билеты по привычке командированных собирать все финдокументы для авансового отчёта. Шофёр посмотрел на нас как на ненормальных и дал какие-то измятые клочки. Остальные пассажиры, по-моему, тоже смотрели на нас с неодобрением.

На наше счастье долго болтаться по городу с вещами, то бишь портфелями, набитыми бумагами, нам не пришлось: Арчил Хантадзе появился дома, и мы, наконец, до него

дозвонились. Надо заметить, что с Арчилом у меня были уже почти на самом деле дружеские отношения, а с его начальником, замдиректора Института Геофизики Грузинской Академии Наук, Гоги (Георгием Михайловичем) Хочолавы - довольно шапочные. Поэтому мы и звонили в основном Арчилу.

___ Узнав, что мы находимся у метро "Площадь Ленина", Арчил велел нам ждать его и через десять минут подкатил на своём "Москвиче", остановившись в неполюженном месте. Отчаянно помахав руками, он призвал нас в машину и повёз в гостиницу, уверяя, что нас должны были встречать сотрудники Хочолавы. Устроив нас в гостинице, Арчил повёз нас к себе домой попить чайку, а как оказалось на самом деле - коньяку с сухим домашним вином и с на скорую руку соображённой закуской блюд эдак из восьми.

___ Живёт Арчил с родителями, женой и двумя детьми в старом доме на окраине Тбилиси, в пятикомнатной квартире с садом, верандой, оплетённым виноградом, бассейном и гаражом. Отец Арчила - профессор сельхозинститута, мать - преподавательница этого же института. Сад, веранду и бассейн его родители создавали сами на привозной земле (дом стоит на склоне горы).

___ Арчил сам профессор, завсектором Института геофизики, преподаёт ещё в университете, но денег, как он говорит, не хватает. Как я понял, не хватает для поддержки престижа - главного целевого элемента в жизни городского грузина. Нужен ли ему этот престиж сам по себе, или престиж нужен для денег, а деньги для престижа - с этим мы не успели в тот вечер разобраться.

___ Из последующих бесед с Ирмой, его сотрудницей, я понял, что тут важен эстетический элемент: грузины любят жить красиво, не копят деньги, а тратят их на сегодняшнее внешнее оформление своей жизни. И в этом они, пожалуй, преуспели, хотя, конечно, относительно.

___ Напоив нас и выпивши сам, Арчил отвёз нас на машине в гостиницу. Иметь машину и хорошо ездить на ней даже под градусом - составная часть престижа. По дороге Арчил рассказал анекдот:

___ "Грузин вот так везёт пассажира по городу на машине, вдруг - красный свет. Он - ноль внимания! Мчит себе на красный. Пассажир волнуется: - Ты что? С ума сошёл? - Тот отвечает ему: - Не волнуйся, я - мастер.

___ И так несколько раз. Вдруг - зелёный свет, а он жмёт на тормоза.

___ - Ты, что? Зелёный же!

___ - Боюсь, что по той улице мастер едет!"

___ На следующий день мы с Юрой, опохмелившись дешёвым сухим вином, совершили свои программные дела, в ходе которых выяснилось, что оргкомитет и программный комитет разослали участникам семинара оповещения с указанием разных сроков начала семинара. Это привело к тому, что вечером в вестибюле гостиницы "Аджария" скопились участники семинара, приехавшие на день раньше срока, назначенного оргкомитетом, а администрация гостиницы не желала их селить.

___ Никого из оргкомитета в гостинице не было, и атаку жаждущих поселиться пришлось принять на себя единственному присутствовавшему там ионосферщику-грузину, к тому же заместителю председателя программного комитета - мне. Первых 25 прибывших всё же в гостиницу поселили, а 13 последующих, утомлённых перелётом и изнывавших от жары, ждали вмешательства высших сил в лице Хочолавы.

___ Увы! Хочолава и не думал чесаться. "Что я могу поделывать, дорогой", - отвечал он мне по телефону. - "Такой сезон, да и время вечернее. Пусть попробуют на велодром обратиться, там номера большие, и соревнований сейчас нет".

___ А среди страждущих были мои знакомые и даже друзья - Лариска Зеленкова (25 лет знакомства), Серёжа Авакян (20 лет) с женой, Люда Макарова - все ленинградцы, Толя Колесник из Томска, Витя Мингалёв из Апатит. И все, естественно, упрекали за такой приём меня. Я отшучивался:

___ - Товарищи! Я - грузин только по паспорту и по фамилии, и я не из оргкомитета, а из

программного!

— Единственная поддержка, которую я смог им оказать, заключалась в том, что я откупорил две бутылки сухого вина, купленного на вечер, порезал колбасу и хлеб и малость подкрепил силы бедняг, развлекая их разговорами. Наконец, это сборище в вестибюле надоело администратору, он сжалился и расселил всех по номерам, каковых оказалось свободными в достаточном количестве.

— Последующие два с половиной дня я добросовестно работал на семинаре: выступал с докладом, председательствовал, участвовал в дискуссиях, вырабатывал решение, трепался в кулуарах. Всё это сопровождалось ежевечерними сборищами то у одного в номере, то у другого. Разговоры, разговоры... За жизнь, за Бога, за науку. Недосып, жара. Наконец, товарищеский ужин, тосты Хочолавы в форме анекдотов, чача, домашнее сухое. Непонятное перемещение (как бы по воздуху) из института, где проходил банкет, в гостиницу, где банкет по инерции продолжался и, наконец, затух...

— Наутро меня, ещё слегка качающегося, посадили в старенькую "Волгу", за рулём которой сидел грузин лет 45-ти - 50-ти, назвавший себя Натаном. Я сел рядом с ним, а сзади разместились Лариска Зеленкова, Люда Макарова и Ирма - жена Натана, которую я запомнил по её секретарской работе в местном оргкомитете семинара. Мы поехали в Мцхету, пригород Тбилиси в 30 км от города в направлении Военно-Грузинской дороги, где находится древний монастырь, основанный Ниной Просветительницей в IV или V веке н.э.

— В соборе было прохладно, даже экскурсанты не мешали (в их числе, конечно, попала на глаза кучка участников семинара во главе с Серёжей Авакяном), не хотелось уходить, но нас повезли обратно в Тбилиси, на базар, где Лариска и Люда затаривались овощами и фруктами домой отвезти, а я просто бродил между рядами, любовался натюрмортами из чисто вымытых и аккуратно сложенных даров земли, пил воду из фонтанчика, ел мороженое.

— Затем заехали в гостиницу, куда как раз забежал Серёжа Лебле (тоже, кстати, с базара) и поехали дальше: на Черепашье озеро. Поднимаясь в гору, "Волга" надорвалась, заглохла, и мы устроили пикник на обочине напротив музея грузинского народного зодчества. На фоне панорамы лежавших внизу новых районов Тбилиси, в тени кряжистой сосны, на травке мы пили "Хванчкару" со спецлимонадом (продают для избранных, с пробкой, обёрнутой фольгой) - в жару сухое надо разбавлять, чтобы не развезло, и жажда лучше утоляется, ели курицу, яйца, сыр, помидоры, огурцы, абрикосы, черешни и вишни. Всё это из багажника "Волги".

— Когда Натан отошёл к машине устранять неисправность, Ирма немного рассказала о нём. Он сын известного грузинского драматурга Ваазова, репрессированного в 1937 году. Сейчас в Тбилиси на доме, где жил Ваазов, повешена мемориальная доска. Сам Натан - физик-твёрдотельщик, кандидатскую защитил недавно, не хотел вообще защищаться. Большой любитель литературы, писал и публиковал стихи. Внешне он корректен (очень аккуратен, по словам Ирмы) и весьма сдержан. Не курит, вина не пил, только лимонад.

— Неисправность Натану устранить не удалось (было похоже на обрыв в цепи электропитания), и мы бесшумно - безмоторно то есть скатились с горы в Тбилиси, где под уклон проехали несколько кварталов и остановились. Распрощавшись с любезными гидами и обменявшись с ними извинениями и утешениями в связи с поломкой машины, мы пересели в городской транспорт, добрались до гостиницы, приняли душ, запаслись вином (а остатки закуски от пиршества нам отдали Ирма с Натаном) и отправились в центр к фуникулёру.

— Кстати, когда мы толкали "Волгу", пытаясь её завести, нам встретился Серёжа Лебле, браво марширующий в гору по нашему же маршруту. Его целью был парк имени Сталина, куда он хотел попасть через Черепашье озеро, для чего нужно было пройти около восьми километров по горам. В портфеле у него гремели две бутылки вина по 0,7 литра, которые он безуспешно пытался открыть по дороге - все ногти, говорит, изодрал. К сожалению, у

нас в машине ножи были упрятаны где-то далеко в багажнике, и мы ничем не смогли ему помочь, неудобно было отвлекать Натана от его волнений по поводу заглохшего мотора.

— Отстояв очередь у канатки на проспекте Руставели, мы забрались на гору у телевышки и повзирали сверху теперь уже на центральную часть города. Особенно приятно было взирать, усевшись прямо на краю обрыва, болтая ногами и распивая "Напареули". Серёжу мы в парке не встретили, дождались захода солнца, когда зажглись огни Тбилиси, спустились вниз и страшно уставшие вернулись в гостиницу.

— У себя в номере я обнаружил Серёжу в компании с Володей Клименко и Надей Максимовой из Красноярска (очередной ученицей Николая Константиновича Осипова, который теперь обретался в Красноярске), распивающими бутылку "Эрети", предусмотрительно оставленную мною под водой в раковине умывальника. Серёжа рассказал, как он всё-таки открыл одну бутылку, как распивал её по дороге, как дошёл до Черепашьего озера, как скатился в какое-то ущелье, в запретную зону, откуда всё же сумел выбраться в город. Замечу, что жара в этот день была около сорока градусов (от 38 до 42 по разным данным).

— Заканчивался вечер за полночь задушевым тихим пением, в котором неожиданно прорезался Володя Клименко с украинскими песнями. В пять утра нам пришлось вставать и ехать в аэропорт...

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)